

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕКСТА ДРЕВНЕЙШИХ
НОВГОРОДСКО-ГОТЛАНДСКО-НЕМЕЦКИХ ДОГОВОРОВ
КОНЦА XII И СЕРЕДИНЫ XIII в.

В истории международных отношений на Балтике, которой много и плодотворно занимаются ученые всех стран этого региона, тем не менее и поныне остаются белые пятна. Особенно трудно дается изучение русско-, вернее, новгородско-балтийских отношений древнейшего, очень слабо документированного периода.

Наиболее ранние договоры Новгорода с готландскими и немецкими купцами¹ написаны на одном листе пергамента. Текст договора середины XIII в. занимает 3/4 его лицевой стороны, затем после пробела в 1—2 см начинается текст договора конца XII в., окончание которого расположено на обороте листа.² К верхнему полю грамоты прикреплены серебряные позолоченные печати князя Ярослава Ярославича, архиепископа Далмата и «всего Новгорода», к нижнему — привешены такие же, но свинцовые.³

Оба документа лишены дат, и для выяснения времени заключения договоров были приложены немалые усилия. Разброс мнений в историографии был чрезвычайно велик. Первый из этих договоров, подведший итоги двухвековым (по крайней мере) новгородско-скандинавским отношениям, столетним или полувекowym новгородско-немецким⁴ и в свою очередь заложивший основы дальнейших торговых связей на востоке Балтики, относили то к 1188 г. (К. Э. Напьерский в 1857 г., Э. Боннель⁵), то к 1189 (Л. К. Гетц⁶), то к 1195 (Напьерский в 1868 г.,⁷ И. И. Срезневский,⁸ М. Ф. Владимирский-Буданов,⁹ М. Н. Тихоми-

¹ ГВНиП. № 28, 29. С. 55—57.

² См. воспроизведение: Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веках, найдены в Рижском архиве К. Э. Напьерским и изданы Археографической комиссиею (с 8 литографическими снимками). СПб., 1857. № 1, 2.

³ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 9—11; Клейнберг И. Э. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—1263 гг. : (По данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.) // ВИД. Л., 1976. Т. 7. С. 118—126.

⁴ В договоре 1191—1192 гг. четко выделяются ст. 4—8 (по нумерации Л. К. Гетца), восходящие к новгородско-варяжскому договору, заключенному, по мнению В. Т. Пашуто, в 1016 г. (Пашуто В. Т., Новосельцев А. П. Внешняя торговля древней Руси // История СССР. 1967. № 3), а также ст. 10, созданная около 1043 г.

⁵ Bonnell E. Russisch-livländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. СПб., 1862. S. 79—80.

⁶ Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916.

⁷ Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напьерским, изданы Археографической комиссиею. СПб., 1868.

⁸ Срезневский И. И. Исторические чтения о языке и словесности 1856—1857 гг. // ИОРЯС. СПб., 1857. Т. 6. С. 155—161.

⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия к истории русского права. СПб.; Киев, 1899.

ров¹⁰), то к 1197—1199 гг. (М. Н. Бережков¹¹), то к 1189—1199 (А. А. Зимин,¹² В. Реннкамп¹³), наконец, к 1191—1192 гг. (В. Л. Янин, Е. А. Рыбина¹⁴). Наиболее аргументированной представляется последняя датировка, основанная на анализе упомянутых договоров представителей власти — князя, посадника и тысяцкого.

Датировка договора середины XIII в. вызвала меньше споров. Коллебия были лишь в пределах 5 лет — 1257—1262 гг. (по Напьерскому, договор был составлен в 1257—1259 гг., по Срезневскому — в 1262 г., Боннель и Гетц высказались за 1259 г., Н. А. Казакова, которую поддержал позднее Реннкамп, приняла дату 1259—1262 гг.). Автор фундаментального исследования о русско-немецких средневековых договорах Л. К. Гетц относил договор к концу 1259 г., когда в Новгороде одновременно находились упомянутые в договоре Александр Ярославич, будущий Храбрый (с конца XV в.) и Невский (с XVI в.) и его сын Дмитрий. Е. А. Рыбина полагает, что князя оставались в Новгороде и в начале 1260 г. Очевидно, именно эта дата, 1259—1260 гг., и является наиболее обоснованной.

В новейшей литературе подверглась обсуждению и тема о характере самого этого документа.¹⁵ Договор, лишенный корроборации, рассматривался рядом авторов как проект, ратифицированный лишь после 1265 г., когда к власти пришел князь Ярослав Ярославич, печатью которого и был скреплен документ. Продолжая мысль В. Л. Янина о «запоздалой ратификации», И. Э. Клейненберг уточнял на основе данных о переговорах 1292 г., на которых, по его мнению, и фигурировал именно этот текст договора, что двум актам этого пергамента соответствовал свой ряд печатей — договору Александра Невского — позолоченных, а договору Ярослава Владимировича конца XII в. — свинцовых.

Думается, важно понять, когда и для чего оба акта были написаны на одном пергамене, каким образом новгородско-готландско-немецкие договоры оказались в рижском архиве. Можно надеяться, что «архивная судьба» этих соединенных вместе документов прольет свет и на историю создания того текста, которым располагают исследователи.

Начнем с второго вопроса. Возможны по крайней мере два предположения о времени и способе передачи текста договоров в Ригу. К 1292 г., когда происходили немецко-новгородские переговоры в Новгороде, относится и еще одно событие — перевод архива Готланда в Ригу. В результате в Риге (во внешнем архиве Рижского магистрата) оказалась, например, так называемая готландская редакция смоленско-

¹⁰ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской правде. М., 1940.

¹¹ Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. М., 1879. С. 185.

¹² Памятники русского права. М., 1955. Вып. 2. С. 124 и след.

¹³ Rennkamp W. Studien zum deutsch-russischen Handel bis zum Ende des 13. Jahrhunderts. Bochum, 1977.

¹⁴ См. подробнее: Рыбина Е. А.: 1) Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986. С. 15—19; 2) О двух древнейших торговых договорах Новгорода // НИС. Л., 1989. Вып. 3(13). С. 43—50; Янин В. Л., Зализняк А. А. Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам: (Из раскопок 1951—1983 гг.) // Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 168—174.

¹⁵ Речь шла именно о договоре 1259—1260 гг., а не о комплексе из двух актов, переписанных и утвержденных печатями вместе.

готландско-немецкого договора 1229 г. Оригинал этой редакции, скрепленной печатью князя Федора Ростиславича в 1284—1292 гг., с этого времени стал образцовым текстом для последующих смоленско-рижских докончаний XIV в.¹⁶ Возможно, вместе со смоленскими материалами в Ригу были переданы и новгородские. Однако этой гипотезе противоречит отсутствие в рижском архиве оригиналов рассматриваемых договоров — того же 1191—1192 гг., или 1201-го, или промежуточного между 1201 и 1259 гг., следы которого отчетливо обнаруживаются в договоре 1259 г. (именно этот «промежуточный договор» именуется, на мой взгляд, «старым миром»). Итак, это предположение не подкрепляется материалами рижского архива.

Возможно и другое — двойной текст был предназначен специально для Риги и сразу после его написания был направлен в этот город. Эта мысль на первый взгляд кажется абсурдной. Ведь оба договора были заключены Новгородом с «Готским берегом», т. е. с немецкой общиной на Готланде, тамошним купечеством, немцами и «латинским языком». Естественно было бы ожидать, что тексты договоров должны были бы храниться на Готланде или в Любеке, но отнюдь не в Риге. Если в двинской торговле с Витебском, Полоцком и Смоленском Рига заявила о себе как о крупном центре еще в начале XIII в., то на крайнем востоке Балтики она вплоть до конца XIII в. не играла значительной роли и даже не представляла собой самостоятельной силы. В пользу этого второго предположения — о направлении двойного текста новгородско-готландско-немецких договоров непосредственно в Ригу говорит отсутствие каких-либо помет, восходящих к иному, кроме рижского, архиву.

Когда же это могло произойти? Судя по наличию печати архиепископа Далмата, составление и переписка двойного текста могли иметь место только до 1273 г. Уточнению же даты изготовления текста помогает несколько похожий документ XV в. В архиве Рижского магистрата находится еще один документ, содержащий два международных акта. В 1405—1406 гг., во время подготовки знаменитого Копысского мира 1406—1407 гг., был составлен такой же «спаренный», как и новгородский, документ — «известительная грамота» Герденя о мире с Ригой и Ливонским орденом 1264 г. и «слово» Изяслава Полоцкого 1265 г. Очевидно, в начале XV в. ни о какой ратификации грамот XIII в. речь идти не могла. Копии грамот были сделаны как предварительные материалы для переговоров о следующем мире — Копысском.¹⁷

По аналогии с полоцким документом можно думать, что и новгородский двойной документ был изготовлен в период ведения переговоров. Такое предположение уже высказал И. Э. Клейненберг, полагающий, что в 1292 г. новгородцы показывали немецким послам эту «грамоту».¹⁸ Впрочем, это маловероятно, поскольку архиепископ Дал-

¹⁶ Т. А. Сумникова доказала, что список А готландской редакции относится к концу первой трети XIII в. и современен заключению договора 1229 г., а печати к нему были привешены позднее, однако еще в 1284 г., судя по посланию кн. Федора Ростиславича в Ригу, отношения Смоленска с этим городом не были урегулированы (Смоленские грамоты XII—XIV вв. М., 1963).

¹⁷ *Хорошкевич А. Л.* Договоры Полоцка 1405—1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 79—87.

¹⁸ *Клейненберг И. Э.* Договор Новгорода...

мат, печать которого была привешена к документу, занимал владычный престол в Новгороде только до 1273 г. Скорее всего, уже после 1273 г. документ не мог находиться в Новгороде. Таким образом, время написания и удостоверения «двойного» акта 1191—1192 и 1259—1260 гг. сузается до 13 лет — от 1260 до 1273 г.

В этом промежутке между заключением договора 1259—1260 гг. и «ратификацией» текста двух докончаний выделяются три года — 1268—1270 гг., время ведения переговоров немецких и готландских послов с Новгородом. В 1268 г. немецко-готландская сторона представила проект нового соглашения, значительно ущемлявшего интересы новгородцев и расширявшего права иностранного купечества. По видимому, западные торговые контрагенты Новгорода спешили воспользоваться трагическим положением города, установлением там «числа» в пользу монгольских захватчиков и общим ослаблением политического и экономического положения Новгорода. В 1269 г. новгородцы выдвинули свой контрпроект, который предусматривал некоторые уступки в пользу немецко-готландской стороны, но далеко не по всем спорным вопросам. До заключения нового договора дело так и не дошло.

Обращение немцев Риги к ханским послам в Новгороде, к которому рижане прибегли ради возобновления торговли, возымело действие: по распоряжению («слову») Менгу-Тимура рижане (подчеркну, рижане, а вовсе не любечане или немецкая община на Готланде) получили право беспрепятственной торговли в Новгороде. Документ 1270 г. настолько лаконичен, что не определяет никаких правовых основ торговых отношений.¹⁹ Можно думать, что новгородцы направили в Ригу копии двух договоров 1191—1192 и 1259—1260 гг. именно как приложение к «слову» Менгу-Тимура. Если считать этот двойной документ лишь копией предшествующих договоров, то должна измениться и оценка факта снабжения документа печатями. Все они — новгородского князя, владыки и «всего Новгорода» имели целью не ратификацию прошлых, давно утвержденных, скорее всего, в момент их составления договоров, но удостоверение точности копий прежних соглашений, направленных теперь не на Готланд, но в Ригу.²⁰

В связи с этим обращает на себя внимание конечный протокол (название условно, поскольку в концовке договора 1259—1260 гг. весьма своеобразный набор элементов) докончания середины XIII в.: «А старая наша правда и грамота, на чем целовали отци ваши и наши крестъ. А где ся тяжя родить, ту ю кончати. А иное грамоты у нас нетуть, ни потаили есмы, ни ведаем. На том крестъ целуемъ».

В традиционном понимании крестоцелование касается всей грамоты. На мой взгляд, князь Ярослав Ярославич, владыка Далмат и «все новгородцы» целовали крест, лишь подтверждая правильность собственного заявления в первой и третьей из четырех цитированных выше фраз об отсутствии у них какой-либо иной «старой ... правды и грамоты». Таким образом, крестоцелование касалось лишь конечного про-

¹⁹ ГВНИП. № 297. С. 57.

²⁰ О событиях этого времени см.: *Андреевский И. Е.* О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855. Рец.: *Энгельманн А.* // Отечественные записки. 1855. № 5. С. 8—30; *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы...

токола, который, вероятно, был написан не одновременно со всем договором в 1259—1260 гг., а в момент изготовления списка, т. е. в 1270 г. Этим фактом можно объяснить и некоторый повтор относительно места суда по всем будущим тяжбам: «А где ся тяжя родить, ту ю кончати». Лишь по истечении некоторого времени с момента заключения договора могла возникнуть потребность в повторении такого существенного для обеих сторон пункта соглашения.

Если принять вышеизложенную гипотезу, окажется, что договор 1259—1260 гг. (равно как и первый из сохранившихся — 1191—1192 гг.) закономерно лишен корроборационной части конечного протокола. А если это так, то встает старый вопрос о том, были ли документы конца XII и середины XIII в. утвержденными и ратифицированными договорами или просто проектами международных соглашений. Как показывает более поздняя практика дипломатических отношений, противень договора, скрепленного печатью или печатями одной из сторон, должен был храниться у той из них, которой печати не принадлежали. В архиве этой же последней должен был находиться экземпляр, удостоверенный печатями противоположной стороны. Разумеется, подготовительные материалы каждой из сторон сохранялись именно ею. Стало быть, и в новгородском архиве могли храниться как проекты, так и договоры с готландскими и немецкими печатями. Но в этих последних и не должно было бы быть никаких данных о новгородских же печатях. Поэтому отсутствие корроборацио в обоих договорах не может служить доказательством того, что сохранившиеся тексты представляют собой лишь проекты докончаний.

Но вернемся к цитированной выше концовке договора 1259—1260 гг. В ней упомянута «старая правда и грамота». Со времен И. И. Срезневского принято считать, что речь шла о договоре 1191—1192 гг.²¹ Палеографически эта точка зрения, однако, не подтверждается. От грамоты 1191—1192 гг. всю эту концовку отделяет пробел. На этой свободной полосе располагается архивная запись XVII в., т. е. того времени, когда пергамен уже входил в состав внешнего архива Рижского магистрата. Но очевидно, что в сознании писца XIII в. текст документа конца XII в. и цитированная выше концовка разделялись. Если верить палеографии, то эта концовка должна была быть создана в момент изготовления списка, т. е. в 1270 г. В самой же концовке названы «отци ваши и наши», которые и целовали крест на старой грамоте. Термин «отци» в 1270 г. был гораздо более уместен по отношению к Александру Ярославичу, нежели к Ярославу Владимировичу, которого скорее можно было бы назвать «дедом». Термин «отци» применительно к лицам, заключавшим «старую ... правду и грамоту», показывает сравнительно небольшую временную дистанцию между заключением договора и восприведением его копии.

В оформлении рассматриваемого двойного документа есть еще одна несообразность. Две из трех печатей каждой серии — верхняя и нижняя — не только не принадлежат представителям новгородских властей, названным в акте 1259—1260 гг., но и не соответствуют должностям этих лиц. Вместо печатей посадника и тысяцкого на копии 1270 г. печать «всего Новгорода». В. Л. Янин объясняет появление этой печати

²¹ Срезневский И. И. Древние договорные грамоты Новгорода с немцами // ИОРЯС. СПб., 1855. Т. 5. С. 166.

сменой властей между заключением договора и его «ратификацией».²² В оформлении же печати «всего Новгорода» есть одна особенность, общая печати и самому тексту договора 1259—1260 г. Строчной надписи на лицевой стороне печати предшествует крест, имеющийся в качестве символической инвокации в тексте копии договора. По аналогии с Полоцком, правда, более позднего времени — середины XV в.²³ наличие креста на печати «всего Новгорода» может быть истолковано как свидетельство причастности владыки к городскому управлению и, в частности, к городской канцелярии. Впрочем, это предположение нуждается в дальнейшем обосновании.

Вторая «лишняя» сравнительно с текстом договора 1259—1260 г. печать принадлежит новгородскому архиепископу Далмату. Ни в договоре конца XII в., ни в договоре XIII в. владыка не значился среди представителей Новгорода, участвовавших в заключении международного соглашения. Почему же через 10 с лишком лет после заключения договора архиепископ, хиротонисанный задолго до 1259 г. (время владычества Далмата — 1251—1273), счел себя вправе приложить печать к документам, к составлению которых он не был причастен. Е. А. Рыбина объясняет это его «духовным авторитетом».²⁴ Однако об этом по отношению к договору XII в. говорить не приходится. Авторитет же Далмата и в 1259—1260 г. был уже достаточно высок. Не исключено, конечно, и то, что роль владыки в политической жизни Новгорода значительно выросла после непосредственного вмешательства монголов во внутреннюю жизнь Новгорода, введение ими «числа» в 1259 г. Свойственная монголам веротерпимость и их покровительство церкви, хорошо известное в Северо-Восточной Руси, оказало некоторое влияние и на положение новгородского владыки. Владыка, по-видимому, в 1270 г. выступал в качестве главы церкви и хранителя общегородского архива, скорее всего в св. Софии. На это, возможно, намекает одно из изображений на печати Далмата. На ее оборотной стороне помещено изображение Богоматери Знамение, но с надписью «София». В. Л. Янин полагает, что этот эпитет относится к Эммануилу и что «этот эпитет Христа находится в прямой связи с общеновгородским патронатом св. Софии».²⁵ Итак, в 1270 г. архиепископ выступал в качестве гаранта точности копий договоров, отправленных в Ригу. Вместе с тем наличие его печати наряду с печатью кн. Ярослава Ярославича может свидетельствовать и об обстановке внутри Новгорода в тот момент, когда произошел «мятеж» против князя, обвиненного в многочисленных злоупотреблениях. В это время и мог сложиться союз «всего Новгорода» и архиепископа, документальным свидетельством которого стало создание копий договоров 1191—1192 и 1259—1260 г.

Подведем некоторые итоги. Копии международных договоров Новгорода, изготовленные в начале 1270 г., были, по-видимому, приложением к «слову» хана Менгу-Тимура, изложенному в жалованной грамоте Ярослава Ярославича рижанам. Отсутствие корробораций в текстах договоров объясняется тем, что копии воспроизводили новгородские противники соглашений. Подлинность и точность копий наряду с князем

²² Янин В. Л. Актовые печати... Т. 1. С. 125.

²³ Полоцкие грамоты XIII—начала XVI в. М., 1986. Вып. 5.

²⁴ Рыбина Е. А. Иноземные дворы... С. 35.

²⁵ Янин В. Л. Актовые печати... Т. 1. С. 46.

удостоверили владыка Далмат и новгородская господа — «весь Новгород», — выступившая в 1269—1270 гг. против князя. Таким образом, «двойной» документ 1270 г. проливает новый свет не только на историю отношений Новгорода со своими ближними и дальними балтийскими соседями, но и на его внутреннюю историю — отношения князя и других новгородских властей. Косвенно они свидетельствуют и о другой трагической стороне международных связей Новгорода — его зависимости от ханов Джучиева улуса.